

23.00.04 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ /
POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL
AND REGIONAL DEVELOPMENT

Серия «Политология. Религиоведение»

2018. Т. 24. С. 33–40

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru/index.html>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

УДК 342.724

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.24.33>

Влияние критики великоханьского шовинизма на процесс нацистроительства в КНР

А. Б. Ринчинов

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Исследуется влияние концепций китайской нации и великоханьского шовинизма на процесс нацистроительства в Китае после Синьхайской революции 1911 г. Основываясь на фактическом материале, автор указывает на то, что начиная с основания КНР в 1949 г. радикальные проханьские идеи раннего Сунь Ятсена оказались под негласным запретом. В то же время под мощным идеологическим влиянием Советского Союза было положено начало строительству так называемой новой исторической общности, краеугольным камнем которого должна была стать критика великоханьского шовинизма на государственном уровне. Отмечается, что вопреки распространенным предубеждениям концепция гражданского национализма всегда превалировала в официальной партийной риторике КПК над узким национализмом этническим. Автором делается вывод о том, что на данном этапе регион «внутреннего Китая», несмотря на отличную от СССР систему административного деления унитарного государства, играет для КНР роль, во многом аналогичную роли РСФСР для Советского Союза. Таким образом, заключение содержит предположение о том, что, несмотря на антагонизм периода холодной войны, КНР как государство ленинского типа изнутри подвержена сходным процессам, что и Советский Союз, включая всё большее отчуждение государства от национальной политики.

Ключевые слова: Китай, нацистроительство, шовинизм, национализм, межнациональные отношения, национальная политика, маоцзэдунидеи.

Для цитирования: Ринчинов А. Б. Влияние критики великоханьского шовинизма на процесс нацистроительства в КНР // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 24. С. 33–40. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.24.33>

«Великоханьский шовинизм» – это выражение, впервые употребленное Мао Цзэдуном 16 марта 1953 г. во внутривластной директиве «Критиковать великоханьский шовинизм» [3] и в его тезисах «О десяти важнейших взаимоотношениях», обращенных к ЦК КПК в речи, состоявшейся 25 апреля 1956 г., первой речи, в которой Мао позволил себе критику СССР, в частности в области нацистроительства. «В Советском Союзе между русскими и нацменьшинствами сложились весьма ненормальные отношения, из этого нам нужно извлечь урок» [4]. Сам Мао позаимствовал структуру термина из ленинской за-

метки «О национальной гордости великороссов», а многие тезисы в свою очередь перекликаются с ленинскими «Критическими заметками по национальному вопросу», об этом факте говорит то, что вся идеологическая работа КПК на первых этапах базировалась на изучении классики ленинизма [1, с. 427–430].

С тех пор тезис о «борьбе с великоханьским шовинизмом» был закреплен в преамбуле Конституции КНР, а именно ее версии 1954 г., где было сказано, что «в борьбе за сохранение национальной сплоченности следует выступать как против национализма великой нации, прежде всего великоханьского шовинизма, так и против местного национализма. Государство прилагает все усилия к тому, чтобы способствовать общему процветанию всех национальностей страны».

Данная статья имеет целью дать оценку национальной политике коммунистического Китая с точки зрения последовательности заявлений и действий пекинского руководства как в период ранней Республики, так и в период китайской «оттепели», политики реформ и открытости; проследить реакцию общества КНР на проводимую правительством национальную политику.

Изучение национальной политики, проводимой китайским государством во второй половине XX в., требует взаимоучитывать критерии, используемые и цивилизационным, и формационным подходами. Избыточное количество факторов, влияющих на существование китайского государства, диктует необходимость концентрации исследования на конкретных явлениях, изучение которых возможно исключительно при помощи качественного анализа первичных и вторичных источников, посвященных этническим отношениям в КНР в период власти Мао Цзэдуна и критики великоханьского шовинизма и после него.

Антишовинистические идеи в китайском руководстве высказывались и до победы Коммунистической партии в гражданской войне: например, созданная еще Гомиьнданом и позаимствованная впоследствии КПК концепция китайской нации. Сунь Ятсен считал, что сплочение наций в пространстве, ныне именуемом Китаем, это нечто исконное [2]. В этом плане, несмотря на прогрессивные взгляды для своего времени, а в особенности для Азии, Сунь Ятсен оставался типичным поборником примордиализма.

Правительство поздней Цин идентифицировало свое государство как Китай, несмотря на то что по факту являлось маньчжурским захватчиком. Сунь Ятсен, однако, осознавал сущность инородности правящей власти и призывал к ее изгнанию, планируя в свою очередь создать национальную республику по германским и японским лекалам (несмотря на то что Германия и Япония на тот момент были конституционными монархиями) [9, с. 232]. В то же время он переживал, что нацистроительство на принципе этнической общности приведет к потере имперских окраин, а именно территорий за пределами внутреннего Китая. При отречении императора и передаче территории республиканским властям местные правители отдаленных областей, таких как Тибет и Монголия, де-факто отказались присягать новому руководству. Лишь к концу жизни Сунь Ятсен выразил мысль о том, что, помимо «нации» (палл.: *Миньцзу* от кит. палл.: *Минь*, народ или этнос), существует «нация» (палл.: *Гоцзу* от кит. палл.: *Го*, государство), что четко проводит деление между этнико-культурным и гражданским национализмом, омонимичном в русском языке. Однако он не

успел довести свою теоретическую базу для гражданского национализма до конца, в частности в рамках дискуссии о том, стоит ли ханьцам ассимилировать остальные этносы Китая, прежде чем строить общество гражданского национализма [Там же, с. 234–235]. Не решила проблему предвзятого, проханьского понимания национализма и прокламация «Союза пяти народов» (ханьцев, маньчжур, монголов, хуэй и тибетцев), которая в условиях начавшейся гражданской войны и эры милитаристов окончательно потеряла какое-либо влияние и в истории осталась исключительно в виде цветовой трактовки первого флага Китайской Республики. Это поставило перед республиканскими, гоминьдановскими, а затем коммунистическими властями проблему собирательства цинских земель, которая решилась лишь с возвращением Тибета в 1951 г., но менее значительные территориальные споры актуальны до сих пор.

Эпоха гоминьдановского правления в континентальном Китае оставила еще один языковой артефакт. Слово «национал-предатель» (палл.: *Ханьцзань*, от кит. палл.: *Ханьцзу*, самоназвание китайского этноса) и просто «предатель» со времен второй Японо-китайской войны являются синонимами. Первоначально термин в официальной риторике применялся исключительно к китайским коллаборационистам (в том числе к монголам, маньчжурам и др.), работающим и воюющим в рядах японских интервентов. В послевоенный период термин использовался в контексте охоты за ненаказанными коллаборационистами, а затем стал полным синонимом слова «предатель» [12]. В таком значении он дошел и до наших дней, что примечательно по причине его яркой этнической, не национальной, окраски.

После победы коммунистов в Китае термин «китайский народ» получил новую жизнь, концепция формировалась под влиянием создания в СССР «новой исторической общности», несмотря на то что официально идея о «новой исторической общности» прозвучала позднее.

«Китайский народ» в интерпретации КПК ушел от «Союза пяти народов» к унитарному государству, состоящему из 56 национальностей. Власти красного Китая отказались от федеративного принципа формирования государства, что в дальнейшем стало краеугольным камнем советской критики «китайской модели», и представили КНР не как союз, но как единую монолитную республику, где каждый народ имел равные права, а национальные автономии существуют только на провинциальном и субпровинциальном уровне.

Программа Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), принятая в 1949 г. и в течение пяти лет служившая основным законом страны, была первым документом в КНР, в котором был зафиксирован новый государствообразующий принцип местной организации и национальной автономии для внутрикитайских этносов [2]. Первая Конституция КНР образца 1954 г. установила виды районов национальной автономии: автономная область, автономный округ, автономный уезд, все они сохранились в неизменном виде до наших дней. Деление районов этнической автономии на ступени дало возможность определять место каждой из автономных единиц в общегосударственной системе территориального устройства. Конституция, так же как и другие законодательные акты КНР того периода, не устанавливала различий в

правовом статусе автономных единиц различной ступени, которые наделялись равными автономными правами, отличаясь только в территориальном отношении. В то же время в соответствии с законодательством органы самоуправления для новообразованных национальных единиц предписывалось формировать из представителей соответствующих национальностей и осуществлять свою деятельность с использованием родного языка и с учетом национальной специфики единицы. Эти принципы были зафиксированы в программе НПКСК, которая обязывала государственные органы в национальных районах привлекать к их работе представителей неханьской национальности, в «Основных принципах осуществления местной национальной автономии в КНР» и в Конституции КНР образца 1954 г. В тех районах, где проживало несколько различных национальностей, каждая из них должна была «иметь своих представителей в соответствующем местном собрании народных представителей» [5, с. 41–42], тот же принцип касался представителей национальностей в ВСНП. Таким образом, в силу демографической обстановки в районах репрезентация национальных меньшинств в органах законодательной и исполнительной власти относительно численности этноса в районе была дискриминационной в первую очередь против самих ханьцев. Принцип «придания национального характера» органам национального самоуправления на местах тогда рассматривался как «центральный вопрос политики осуществления местной национальной автономии», «суть политики местной национальной автономии» [8].

Наиболее ярким примером действительно проводившейся работы по приданию национальным автономиям самоуправления, выполненного в национальном ключе, можно считать назначение этнического монгола Уланьфу председателем Автономного района Внутренней Монголии (АРВМ) и его долговую и плодотворную работу в районе. Его компетентность в национальном вопросе, в конечном счете, позволила ему возглавить Комитет по делам национальностей и основать Пекинский институт нацменьшинств [7, с. 174]. Другими примерами подхода к национализации кадров на местах можно назвать назначение первым председателем Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) Сайфутдина Азизова (уйгур), председателями Тибетского автономного района (ТАР) Нгапо Нгаванг Джигме и Панчен-ламы X (тибетцы) или Далай-ламы XIV, который вплоть до тибетского восстания 1959 г. находился на территории, контролируемой КНР, абсолютно свободно и даже занимал ответственные посты в ходе подготовки к созданию автономного района и интеграции региона в состав Народной Республики [10]. Все вышеперечисленные руководители, за исключением Далай-ламы, были председателями своих автономных районов в течение 15–20 лет, что подтверждает факт деханьзации высшего руководства на местах [7]. Принцип формирования администраций всех уровней национальных автономий по национальному, дискриминирующему ханьцев, признаку остается в силе сегодня и соблюдается неукоснительно.

Китайский язык (путунхуа) при этом должен был стать языком межнационального общения, как это произошло с русским языком в случае «советского народа», но из-за культурных особенностей языковой барьер даже по прошествии семидесяти лет продолжает оставаться одной из главных внутрикитай-

ских проблем. Китайский язык достаточно сложно приспособить для массового изучения представителями этноса – носителя иных языковых групп (в первую очередь речь идет о народах алтайской языковой семьи). В то же время, несмотря на языковую реформу 1950-х, существенно облегчившую изучение языка, власти КНР только в последние десятилетия начали предпринимать активные действия по популяризации китайского языка. Хотя подобные программы – это, как правило, составляющая так называемой китайской мягкой силы, которая в первую очередь ориентирована на иностранцев, интересующихся Китаем, публикация множества материалов и учебных пособий позволяет облегчить ситуацию с преподаванием и внутри страны.

Языковой барьер проявил себя в том числе и в идеологической практике КПК. Например, еще до начала «культурной революции» в 1963 г. председатель Китайской академии наук Го Можо заявил о том, что языковой барьер является фундаментальным, подобно культурному, и даже в официальном переводе не позволяет передать суть и смысл работ Маркса, Энгельса и Ленина рядовым китайцам. Понятное дело, что о практическом воплощении идей, написанных «без учета китайской специфики», не могло идти и речи. Как альтернативу Го видел работы Мао Цзэдуна и его последователей, которые «изначально были написаны на китайском языке со знанием китайских реалий» [6, с. 120–124]. Сам же Мао Цзэдун упоминал ханьцев только в контексте великоханьского шовинизма и во всех своих работах предпочитал обращаться к населению КНР как к «китайскому народу», перед которым, в частности, стоит историческая задача по становлению новой мировой фабрики. Эта традиция укоренилась в правилах партийного этикета КПК.

Во время самой «культурной революции» Мао ежемесячно давал указания относительно курса революции, его цитаты мгновенно превращались в лозунги, но ни один из них не был посвящен национальному вопросу, наоборот, подчеркивалось, что «культурная революция» представляет собой обострение межклассовой борьбы, без какой-либо национальной окраски, которая должна в конечном итоге привести к формированию «нового человека» [Там же].

Классическая концепция построения общества гражданского национализма была единой для двух государств – возглавляемой КПК КНР и возглавляемого КПСС СССР. В КНР она остается доминирующей и сейчас, однако в гораздо меньшей степени.

Способствуют вымыванию концепции из китайской повседневности множество факторов, начиная с этнических и религиозных беспорядков в СУАР и ТАР, вести о которых благодаря Интернету все же достигают всех концов страны, заканчивая ставшим модным на фоне фактической «оттепели» 80–90-х гг. XX в. литературным движением «Литература поиска корней», которое, в свою очередь, является реакцией и рефлексией писателей на собственный опыт детства в условиях «культурной революции». Понятно, что в произведениях этого литературного направления, которое также успело стать мощной составляющей китайской «мягкой силы», повествование ведется с позиций рядовых представителей ханьского этноса, актуальна и родна эта литература в первую очередь для этнических ханьцев.

С «культурной революцией» же, как и с другими массовыми кампаниями времен Мао, связан подрыв доверия к коммунистической идее, которая во многом была дискредитирована не всегда обдуманно действующими китайского руководства. Кризис доверия к власти бросает тень и на предлагаемые ею искусственные концепции, к которым относится, в частности, и концепция китайской нации.

С целью сгладить противоречия и выровнять степень экономического благосостояния «богатого востока и бедного запада», решить проблему, возникшую из-за резкого развития прибрежных провинций КНР, КПК разработала специальную программу «выравнивания» регионов страны, в соответствии с которой некоторые западные автономные районы и провинции находились под непосредственным патронажем восточных. Исторически сложилось, что автономные районы расположены преимущественно в западных областях страны. Благодаря разработанной КПК программе «выравнивания» разница в благосостоянии между беднейшими и богатейшими территориальными единицами провинциального уровня на душу населения сократилась более чем в два раза с 1980 г. [11]. Подобная политика порождает перманентные споры в китайском обществе на тему «необходимости западных регионов для восточных» и, приобретая национальную окраску, не способствует гомогенизации «китайского народа». На данном этапе широкомасштабного обсуждения этих вопросов властям КНР удастся избежать посредством мощной интернет-цензуры.

Список литературы

1. *Аварин В. Я.* Борьба за Тихий океан: Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1952. 672 с.
2. *Кычанов Е. И.* О некоторых проблемах национальной политики в КНР // Материалы науч. конф., посвящ. 50-летию образования Китайской Народной Республики. СПб., 1999. С. 34–37.
3. *Мао Ц.* Критиковать великоханьский шовинизм // Мао Цзэдун: Избранные произведения. В 5 т. Т. 5. Пекин : Изд-во лит. на иностр. яз., 1967. С. 98–100.
4. *Мао Ц.* О десяти важнейших взаимоотношениях // Мао Цзэдун: Избранные произведения. В 5 т. Т. 5. Пекин : Изд-во лит. на иностр. яз., 1967. С. 340–368.
5. Основные нормативные акты о местных органах государственной власти и государственного управления КНР. М. : Госюриздат, 1959. 504 с.
6. *Сладковский М. И., Кривцов В. А., Алтайский М. Л.* Идеино-политическая сущность маоизма. М. : Наука, 1977. 443 с.
7. *Сыроежкин К. Л.* Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика (50–80-е гг.). М. : Панорама, 1997. 238 с.
8. Цзай миньцзу цзычжицзой туйсин цзычжи чжэнцэ дэ юши (О преимуществах политики самоуправления в районах национальной автономии) // Чжэнфа Яньцзю. 1956. № 1. С. 8–10.
9. *Esherrick J., Kayali H., Van Young E.* Empire to nation: historical perspectives on the making of the modern world. Baltimore: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. 440 с.
10. New Progress in Human Rights in the Tibet Autonomous Region [Electronic resource] // Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. White Paper: 1998. URL: <http://www.china-un.org/eng/zt/xzwt/t418896.htm> (date of access: 20.04.2018).
11. Rich province, poor province [Electronic resource] // The Economist. URL: <https://www.economist.com/news/china/21707964-government-struggling-spread-wealth-more-evenly-rich-province-poor-province> (date of access: 20.04.2018).
12. *Xia Y.* Engendering Contempt for Collaborators: Anti-Hanjian Discourse Following the Sino-Japanese War of 1937–1945 // Journal of Women's History. 2013. Vol. 25, N 1. P. 111–114.

Impact of Great Khan Chauvinism Criticism on Nation-Building Process in PRC

A. B. Rinchinov

Baikal State University, Irkutsk

Abstract. The article deals with the impact of the “Chinese nation” and “Great Khan chauvinism” concepts on the process of nation-building in China after the Xinhai Revolution of 1911. The author points out that since the establishment of the PRC in 1949 Sun Yat-sen’s pro-khan early ideas of were under the unwritten ban. At the same time, due to powerful ideological influence of the Soviet Union China began constructing a “new historical community” where criticism of “Great-Khan chauvinism” by the officials became the keystone of the construction process. It was pointed out that the concept of civil nationalism prevailed over the ethnic nationalism in the CPC’s official rhetoric. The author has come to a conclusion that despite antagonism during the Cold War period the PRC, being the Leninist type state, is subject of similar processes as the Soviet Union including increasing alienation from national policy.

Keywords: China, nation-building, chauvinism, nationalism, inter-ethnic relations, national policy, Mao Zedong thoughts.

For citation: Rinchinov A.B. Impact of Great Khan Chauvinism Criticism on Nation-Building Process in PRC. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2018, vol. 24, pp. 33-40. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.24.33> (in Russian)

References

1. Avarin V. Ja. *Bor'ba za Tihij okean: Agressija SShA i Anglii, ih protivorechija i osvoboditel'naja bor'ba narodov* [Fight for the Pacific: US and England aggression, their contradictions and people’s liberation wars]. Moscow, 1952, 672 p. (in Russian)
2. Kychanov E.I. O nekotoryh problemah nacional'noj politiki v KNR [About problems of PRC national policy]. *Materials of scientific conference dedicated to 50th Anniversary of PRC*. St. Petersburg, 1999, pp. 34–37. (in Russian)
3. Mao Z. Kritikovat' velikohan'skij shovinizm [Criticize great-han chauvinism]. *Mao Zedong Selected works*. Beijing, 1967, vol. 5, pp. 98-100. (in Russian)
4. Mao Z. O desjati vazhnejshih vzaimootnoshenijah [On the ten major relationships]. *Mao Zedong Selected works*. Beijing, 1967, vol. 5, pp. 340-368. (in Russian)
5. Osnovnye normativnye akty o mestnyh organah gosudarstvennoj vlasti i gosudarstvennogo upravlenija KNR [Main acts and legislation of local governments and state executives of PRC]. Moscow, 1959, pp. 41-42. (in Russian)
6. Sladkovskij M. I., Krivcov V. A., Altajskij M. L., Feoktistov V. F. *Idejno-politicheskaja sushhnost' maoizma* [Ideological essence of maoism]. Moscow, 1977, 443 p. (in Russian)
7. Syroezhkin K.L. *Reglamentacija mezhetnicheskijh omoshenij v KNR: teorija i praktika (50–80-e gody)* [Regulation of interethnic relations in PRC: theory and practice (50’s – 80’s)]. Moscow, 1997, 238 p. (in Russian)
8. Zài mínzú zìzhìqū tuīxíng zìzhì zhèngcè de yōushì [In the national autonomous region to implement the advantages of self-government policy]. *Politics and Law Journal*, 1956, no. 1, pp. 8-10. (in Russian)
9. Esherick J., Kayalı H., Van Young E. *Empire to nation: historical perspectives on the making of the modern world*. Baltimore, Rowman & Littlefield Publishers, 2006, 440 p.
10. New Progress in Human Rights in the Tibet Autonomous Region. *Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN*. White Paper: 1998. Available at: <http://www.china-un.org/eng/zt/xzwt/t418896.htm> (date of access: 20.04.2018).

11. Xia Y. Engendering Contempt for Collaborators: Anti-Hanjian Discourse Following the Sino-Japanese War of 1937-1945. *Journal of Women's History*, 2013, vol. 25, no. 1. pp. 111-114.

12. Rich province, poor province. *The Economist*. Available at: <https://www.economist.com/news/china/21707964-government-struggling-spread-wealth-more-evenly-rich-province-poor-province> (date of access: 20.04.2018).

Ринчинов Артём Бэликтоевич

аспирант

Байкальский государственный университет

Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,

ул. Ленина, 11

тел. 8(3952)500008

e-mail: abri3103@gmail.com

Rinchinov Artem Beliktoevich

Postgraduate Student

Baikal State University

11, Lenin st., Irkutsk, 664003, Russian

Federation

tel.: 8(3952)500008

e-mail: abri3103@gmail.com

Дата поступления: 09.04.2018

Received: April, 9, 2018